

Автор - Сергей Герасимов, Харьков (Украина).

ТРИДЦАТЬ СЕМЬ И СЕМЬ

* * *

Легче признаться в том,
что ты гей,
чем в том,
что ты не патриот.
Все же, немало геев признались,

и как-то живут,
ходят.
Испуганно дышат.
Крадутся как лисицы.
Любуются воздухом в перепонках света.
Слушают птичек весенних,
а блондинок не замечают.
Не патриотов же нет ни одного.
Горячо и ровно дыхание патриотов.
Проходя, заденут тебя плечом,
в глаза заглянут:
ты наш?
Наш патриот всегда красив,
гладок и мускулист,
как лошадиный круп.
Чужой – всегда свинья,
или купленный дурень.
При этом совсем не важно,
В какой стране ты живешь.
Патриотизм для страны –
то же, что для меня температура тела:
если тело в порядке,
она не выше, чем тридцать семь.
А если выше - значит, все слегка больны.
Еще выше - готовься к беде.
Еще выше -
к смерти.

* * *

Он выдернут из вечной вьюги небытия.
Он – маленькая рыбка,
которую пустили
в прозрачный и выпуклый
времиариум жизни.
Он дышит временем,
сам того не замечая;
он пьет его;
время течет сквозь его жабры,
и его сердце качает
раствор сложных молекул во времени.
И все же он времени не видит.
Оно слишком прозрачно,
слишком естественно.
Порой он думает о времени.
Попробуй-ка не думать,

если твой мозг
состоит из времени процентов на девяносто пять.
А если он поэт, то даже сочиняет стихи о нем.
Но что останется от стихов? – лишь пряный запах высохшего ила.
Колышутся плавники,
шевелится хвостик,
вспархивают жабры.
Вот он находит укрытие в каменном домике и думает:
о. это моя крепость!
Но время найдет его и здесь --
крепость налита временем до краев.
А вот, погнавшись за другою рыбкой
и догнав,
он думает, что счастлив.
Иногда он тычется носом в стекло,
не понимая, что за стеклом,
в дрожащей полутьме завремени, что-то есть.
А оттуда, из-за стекла,
молча смотрят на него
те большие и страшные,
кто живет вне времени:
любовь,
истина,
честь,
чистая совесть.
И он чувствует на себе их взгляд,
и удивленно открывает свой маленький рот буквой О,
и в медленном недоумении отплывает от стекла.

* * *

Он седовлас, последний снег,
нахмурен как портрет да Винчи,
среди простых весенних нег
он искушенной и циничней.

Он знает тайну наших тайн,
что жизнь – серебряное пламя,
в котором стайкой саламандр
протанцевав, мы все сгораем.

А помнишь ты, каким он был -
о, этот снег быстролетающий?
Наивным, робким, молодым,
беспомощным и настоящим.

Конкурсная подборка 35. «Тридцать семь и семь»

Автор: Оргкомитет
23.03.2018 15:00

Как он, взрослея, наметал
из света голубые горы,
прозрачной мощью гнул металл,
крушил бетонные опоры.

как продолжал, весне назло,
клубиться в льдистом сладком вое,
но белым пламенем легло
под солнцем ледяное поле,

и солнцезлазая капель
протопотала по карнизу
и, лапы распрямляя, ель
стряхнула вышитую ризу...

Пройдя сквозь тени зимних дней,
я стал щедрей в своих желаньях,
но чуть печальней и мудрей.
Ведь жизнь -- серебряное пламя.

Оно сжигая, греет всех,
и всех как саван обнимает -
увы, недолгое, как снег
в начале кружевного мая.

Олег Евгеньевич Писарев

СП